

Внешнеполитические последствия внутреннего национализма евразийских государств

Аналитическая записка № 418

ПОНАРС Евразия

Декабрь 2015 года

Эрик Макглинчи¹

Университет Джорджа Мейсона

Политики в США сталкиваются с парадоксом в евразийской политике: более плюралистические центральноазиатские государства более склонны к этнонационалистическому насилию, чем полностью авторитарные государства региона. В частности, поворот к национализму в Кыргызстане и Таджикистане создал проблемы для этнических меньшинств этих стран, но он воздействует также на американо-кыргызские и американо-таджикские отношения. Когда-то ближайший в Центральной Азии партнер американского правительства, Кыргызстан теперь отстранился от Вашингтона. Дипломатические раздоры с Таджикистаном были менее драматичны, возможно из-за того, что попытки Вашингтона поощрять политический плюрализм в Таджикистане были менее энергичными. Взятые вместе, примеры Кыргызстана и Таджикистана показывают, что США скованны в своих усилиях по демократизации в Центральной Азии. Правительство США может или выбрать защиту политического плюрализма и рисковать стратегическим партнерством, как это происходит с Кыргызстаном, или терпеть репрессии по отношению к меньшинствам в авторитарных режимах и сохранить стратегическое партнерство, как в случае с Таджикистаном. Вашингтон не может совместить одно с другим. Попытки это сделать в Кыргызстане провалились – во многом как и подобные

¹ [Эрик Макглинчи](#) – ассоциированный профессор политологии Школы политики, управления и международных отношений Университета Джорджа Мейсона.

усилия в Египте, где Вашингтон пытался одновременно содействовать реформам и поддержать военное партнерство с Каиром.

Националистический конфликт в Центральной Азии

В евразийских прочных автократиях почти нет этнонационалистических конфликтов. Конфликты – в той мере, в какой они существуют в Казахстане и Узбекистане – происходят между группами внутри этнического большинства. Вспышка насилия 2011 года в Жанаозене была конфликтом между двумя казахстанскими экономическими классами – классом управляющих, которые руководили предприятиями по нефтегазодобыче в Жанаозене, и классом рабочих, трудившихся на этих предприятиях. Вспышка насилия в Андижане в 2005 году была конфликтом между центром и регионами, между узбеками Ферганской долины, которые добивались большей автономии, и ташкентским руководством, которое не терпит отклонений от централизованного авторитарического правления.

В противоположность этому, вспышки насилия в 2010 и 2012 годах в Кыргызстане и Таджикистане были конфликтами, которые питал национализм. Американские дипломаты превозносили таджикский режим и, особенно, кыргызское руководство за дозволение некоторого политического плюрализма. Эта политика, однако, была результатом не намерений центральных правительств, а их слабости. Таджикское и Кыргызское государства слишком слабы, чтобы подавлять оппозицию. Плюрализм – результат немощи государства, а национализм – стратегия, которую таджикский и кыргызский режимы используют в своих попытках смягчить проблемы, создаваемые оппозицией в условиях государственной немощи.

Это сложная задача, которую должны поставить перед собой американские политики: как подталкивать евразийские государства в сторону политического плюрализма без того, чтобы одновременно подталкивать их к национализму. Если бы этот национализм был инклюзивным – т.е. национализмом единого государства, призванного развить гражданскую гордость или защитить от реальных или вымышленных внешних угроз, – тогда сторонники демократизации Центральной Азии в США могли бы не беспокоиться о том, что он приведет к каким-то непредвиденным результатам. Но таджикский и кыргызский национализм не является ни инклюзивным, ни направленным

преимущественно вовне. Напротив, он нацелен на этнические меньшинства внутри этих стран: на узбеков в Ошской и Джалал-Абадской областях Кыргызстана и памирцев в Горно-Бадахшанской области Таджикистана.

Поворот Кыргызстана к национализму

Коренные причины нестабильности автократии в Кыргызстане: (1) отсутствие доминирующей президентской партии; (2) ограниченные ресурсы для политики патронажа; (3) склонное к протестам население и (4) глубокая этническая и региональная рознь. Эти четыре причины не позволили кыргызстанским президентам консолидировать автократическую власть и дали развиваться политической конкуренции на парламентском и местном уровнях. Кроме того, как это часто случается в разнородных государствах, где институты слабы, и существует реальная конкуренция, политики обращаются к национализму, пытаясь заигрывать перед населением.

Также критически важен тот факт, что движущие силы кыргызского национализма имеют внутриполитические корни. Если бы движущие силы были международными, например, если бы кыргызский национализм был результатом постколониального дискурса независимости или национальной кампании, противопоставляющей традиционные ценности вторгающимся извне культурам излишества, тогда кыргызские политики имели бы значительно больше возможностей в проведении своей внешней политики. Дома кыргызские политики могли бы протестовать против внешнего другого, против прежней колониальной власти или же против Майли Сайрус, одновременно поддерживая радужные дипломатические отношения с внешними силами.

Однако ни Москва, ни Майли не являются источниками кыргызского национализма. Его приводит в движение политическая конкуренция. Кыргызские политики, даже те, которые когда-то были склонны к инклюзивности и либеральным ценностям, из кожи вон лезут чтобы продемонстрировать свою националистическую добросовестность. В мае 2011 года кыргызский парламент единогласно отверг выводы комиссии по расследованию конфликта в Кыргызстане, независимого расследования, которое возглавлял финский парламентарий Киммо Кильюнен. Отчет комиссии содержал заключение, что этнические узбеки непропорционально сильно пострадали в кровавых беспорядках 2010 года и, более того, отчет осудил кыргызских военных за то, что они содействовали насилию, в результате

которого сотни узбеков погибли и тысячи остались без крова. Роза Отунбаева, в то время бывшая президентом Кыргызстана переходного периода и широко известная в дипломатических кругах как сторонница реформ и толерантности, не оспорила ни это постановление парламента, ни его решение объявить Кильюнена персоной нон грата.

Спустя пять лет после этнических беспорядков 2010 года кыргызские политики снова соревнуются в демонстрации своих националистических достоинств. В ответ на то, что Государственный департамент США в 2014 году удостоил наградой «Защитник прав человека» заключенного этнического узбекского активиста Азимжана Аскарова, администрация Алмазбека Атамбаева денонсировала соглашение 1993 года о сотрудничестве с США. Более того, администрация Атамбаева приговорила известного узбекского имама Рашота Камалова к десяти годам тюремного заключения за мнимый религиозный экстремизм, обвинение, вызвавшее вопросы у международных организаций, таких как [ОБСЕ](#). Эти действия кыргызского президента понятны. Атамбаев на октябрьских парламентских выборах столкнулся с реальным вызовом со стороны популистских партий, таких как Республика – Ата-Журт. Нарращивая свою риторику в сфабрикованных делах Аскарова и Камалова, администрация Атамбаева добилась того, чтобы пропрезидентская Социально-демократическая партия не была бы обойдена с флага по националистическому вопросу.

Возможно, американские чиновники не собирались провоцировать администрацию Атамбаева присуждением заключенному Аскарору награды «Защитник прав человека». Как недавно заметил антрополог Шон Робертс (бывший служащий Агентства США по международному развитию, где он занимался вопросами демократизации в Центральной Азии), решение одного отдела Госдепартамента наградить Аскарора не означает единой и целенаправленной политики правительства США [объявить выговор](#) Кыргызстану за нарушение прав человека. О чем, однако, свидетельствует продолжающийся дипломатический спор, так это о том, что кыргызско-американским отношениям предстоит развиваться в штормовых условиях.

До недавнего времени основной целью Вашингтона в Кыргызстане было обеспечение доступа к авиабазе «Манас». Теперь, когда США свернули свою военную кампанию в Афганистане и оставили «Манас», у Вашингтона больше свободы в борьбе за политическую реформу в Кыргызстане. Это достойная цель, и ее поддерживают многие

граждане Кыргызстана. Стремясь к этой цели, вашингтонские политики, однако, должны понимать, что реальность такова, что политики Кыргызстана, даже склонные к реформам, не имеют другого выбора, кроме как использовать кыргызский националистический дискурс. Если бы Кыргызстан был похож на Казахстан или Узбекистан, т.е. если бы позиции Атамбаева были прочными, то его правительство не чувствовало бы необходимости кооптировать националистическую риторику своих оппонентов. Но Кыргызстан не является ни сильной автократией, ни институциональной демократией. Вместо того, он находится в серой зоне, где четыре коренных причины нестабильности – слабая президентская партия, мало ресурсов для патронажа, склонное к протестам население и глубокая этническая и региональная рознь – вынуждают центральную власть набрасываться на всех внешних критиков кыргызского национализма. Для американских политиков было бы лучше предвидеть вспышки этнонационализма во время кыргызских выборов и особенно в годы, когда выборов нет; поддерживать усилия многих базирующихся в Кыргызстане гражданских организаций, работающих над продвижением межэтнического взаимопонимания и сотрудничества.

Поворот Таджикистана к национализму

Для Таджикистана свойственны те же черты государственной немощи, которые ослабили кыргызское автократическое правление. Президент Эмомали Рахмон смог создать доминирующую президентскую партию, обманчиво названную Народно-демократической партией. Но также как его кыргызский коллега, Рахмон располагает ограниченными ресурсами для патронажа, в стране есть глубокая региональная и этническая рознь и время от времени население готово протестовать против власти центрального правительства. Здесь, также как в Кыргызстане, описанные выше коренные причины нестабильности дали подняться национализму. Хотя Рахмон не сталкивается с той же степенью оппозиционности, как кыргызский президент, он все же вынужден демонстрировать свое таджикское националистическое видение.

Временами эти демонстрации комичны, как в случае с вездесущими рекламными щитами с Рахмоном в каске и с указующим перстом вытянутой руки, прославляющего Рогунскую плотину, которая еще должна быть построена. Если Ленин когда-то указывал на запад, и это было символом грядущей славы коммунизма, то Рахмон теперь указывает на то, что

должно стать самой высокой в мире плотиной, и это призвано символизировать постсоветский таджикский национализм.

В других случаях, однако, национализм Рахмона приобретает скорее реальное, чем символическое значение. В июле 2012 года Рахмон отправил тысячи военных в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) после окончившегося смертью столкновения между сторонниками местного командира Толиба Айёмбекова и начальником областного управления Комитета национальной безопасности генералом Абдулло Назаровым. Хотя причина стычки между Назаровым и Айёмбековым остается предметом спора, ясно, как это воспринималось. Айёмбеков, его сторонники и население ГБАО являются по большей части этническими памирцами. Назаров, погибший в результате конфликта, был таджик. Отправка правительственных войск и подавление сторонников Айёмбекова были посланием Рахмона для памирцев, равно как и для таджиков, о том, что более не будут терпимы вызовы, которые бросает этническое меньшинство власти большинства.

Где наиболее заметна националистическая повестка Рахмона, так это в его антиисламистской кампании. В октябре 2015 года в телеобращении Рахмон подчеркнул усилия его правительства в «распространении и уважении национальных ценностей». Чтобы добиться этой цели, Рахмон побуждал «каждого патриота страны препятствовать вербовке жителей, особенно подростков и молодых людей, радикальными и экстремистскими группами». В январе 2016 года в [репортаже](#) о работе полиции в Хатлонской области Таджикистана «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”» приводит примеры того, как президентский призыв выполняется на местном уровне. В борьбе с «зарубежным влиянием» хатлонская полиция «привела в порядок» 12 818 мужчин, имеющих «слишком длинные или неопрятные бороды»; закрыла 162 магазина, продававших хиджабы и «убедила 1773 женщины и девушки отказаться от иностранного головного убора».

Изображение Рахмоном внешних проявлений ислама как иностранных, радикальных и отлучение их от таджикских национальных ценностей понятно. До недавнего времени наибольшей проблемой для власти Рахмона была Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), партия, представители которой, согласно заключенному при посредничестве ООН мирному соглашению 1997 года, положившему конец пятилетней гражданской войне, должны были включаться в правительство. В сентябре 2015 года,

однако, Верховный суд Таджикистана запретил деятельность ПИВТ, призвав ее террористической организацией. После этого судебного постановления лидеры ПИВТ были посажены в тюрьму или были вынуждены отправиться в ссылку.

Американское правительство, в противоположность его реакции на рост кыргызского национализма, медлит с тем, чтобы осудить растущий национализм в Таджикистане. Это молчание вызвало критику, настолько сильную, что Управление генерального инспектора Госдепартамента провело инспекцию посольства США в Душанбе и представило отчет, в котором генеральный инспектор [заклучил](#): «Плотный контроль руководства посольства над информацией, посылаемой в Вашингтон, не позволяет верить в то, что посольство предоставляет полную и достоверную картину местных событий, существенную для оценки соблюдения Закона о контроле за экспортом оружия». Проще говоря, генеральный инспектор осудил посольство США в Душанбе за замалчивание расправы в ГБАО и, более того, генеральный инспектор предположил, что целью этого замалчивания было обеспечение бесперебойного выполнения американо-таджикских военных программ. Отчет генерального инспектора, похоже, имел положительное влияние. После произошедших в сентябре 2015 года репрессий в отношении ПИВТ американское посольство сразу [осудило](#) таджикское правительство за арест членов ПИВТ и за то, что оно не смогло «в полном объеме выполнить обязательства в рамках ОБСЕ и закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах обязательства по обеспечению свободы выражения мнения, свободы ассоциаций и собраний».

Международная политика на будущее

Конкуренция и национализм в разнородных обществах идут рука об руку. Ученые в области социальных наук расходятся во мнении о степени, в которой тяготение к национализму может спустить под откос процесс политических реформ.² Но что ясно, так это то, что национализм, когда его истоки скорее внутренние, чем международные, вынуждает лидеров слабых автократий занимать позиции, которые они должны защищать за рубежом. Отказ от отставания националистических требований за рубежом привел бы к ниспровержению лидера дома.

² См., например, дискуссию между Дональдом Горовицем и Арендом Лийпардом: Horowitz, “Democracy in Divided Societies.” *Journal of Democracy* 4, no. 4 (1993): 19–38; Lijphart, “Constitutional Design for Divided Societies,” *Journal of Democracy* 15, no. 2 (2004): 96–109.

Эта реальность ставит перед внешней политикой США сложные проблемы. Вашингтон может игнорировать, как он это делает иногда в таджикском случае, националистические крайности и таким образом обеспечивать сохранение военного сотрудничества. Или же американские дипломаты могут осудить национализм и репрессии против этнических меньшинств. Этот подход, однако, почти гарантирует напряженные двусторонние отношения со слабым автократом, которого американские политики возможно хотели бы привлечь из геополитических соображений.

Внешняя политика по отношению к укрепившимся автократам проще. Амбиции Вашингтона и страхи этих автократов менее выражены. Каримов и Назарбаев не испытывают большого беспокойства по поводу внутренней оппозиции, а приверженцы западной демократии не питают больших надежд на политические реформы. Ожидания и внешнеполитические устремления с обеих сторон умерены и поэтому во внешней политике реже случаются разочарования.

Несмотря на внешнеполитические проблемы, которые сопровождает привлечение слабых автократических государств, таких как Кыргызстан и Таджикистан, все же в интересах Вашингтона терпеливо относиться к таким ссорам, как та, которую американские дипломаты имеют сейчас с их кыргызскими коллегами. Не разоблачать злоупотребления и не продвигать политические реформы в евразийских государствах, где реформы наиболее вероятны, означает бросить в Кыргызстане и Таджикистане значительные группы населения, которые поддерживают демократизацию. Либерализация это длительный процесс, и в случае ее осуществления, в Кыргызстане и Таджикистане будут помнить внешнюю политику США более за поддержку Вашингтоном демократии, чем за исходящие иногда от него обвинения в националистических крайностях.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org